

Оливия с готовностью согласилась, когда появился младшекурсник, которого она никогда раньше не видела, и попросил поговорить с ней; она не выказала ни малейшего нежелания, подозрения или пренебрежения по отношению ко мне.

В итоге мы решили поговорить в одном из пустых клубных залов на седьмом этаже.

- Здесь нас никто не должен услышать. Ты в порядке?

- Ах, да...

Она притащила два стула и села на один из них. Её рост был, вероятно, около 170 см. Почему её лицо казалось таким маленьким? Даже если бы она не была религиозной, её доброжелательное выражение лица создавало впечатление, что она была бы великим и успешным человеком.

Впервые я почувствовал себя настолько запуганным, просто встретившись с кем-то взглядом.

Это было не потому, что я боялся её или чего-то еще, а из-за её внешности. Это был первый раз, когда я чувствовал себя так, поэтому это было особенно странно.

Я сел на стул напротив нее и, наконец, заставил себя посмотреть ей в глаза.

- Ну, я слышал, вы говорили с Бертусом.

- А, принц. Да. Да.

- Я не знаю, о чем именно вы говорили... Но я знаю общую ситуацию.

Выражение её лица слегка потемнело, когда она услышала мои слова.

- Понятно. Но до этого мы откуда-то знаем друг друга? Мне очень жаль... Хотя я слышала о вас, Райнхард, но это моя первая встреча с вами... Я была немного удивлена, когда мне сказали, что вы беспокоитесь обо мне.

Она казалась весьма удивленной тем, что незнакомый ей младший беспокоится о ней.

- Ну, на самом деле это не я... Это Адриана беспокоится о вас. Кажется, она беспокоится о том, что происходит с вами, Старшая, но не решалась спросить, вдруг она покажется грубой, поэтому я попробовал поспрашивать вместо нее.

- А... Адриана... Хорошо, я понимаю...

Когда я заговорил об Адриане, Оливия опустила голову с несчастным выражением на лице, давая понять, что она знает, о чем я говорю.

- Мне кажется, я беспокою слишком многих людей...

Независимо от её намерений, казалось, что ей трудно смириться с тем, что она причиняет окружающим столько беспокойства.

- Я не так хорошо вас знаю, Старшая, но я слышал, что многие люди ждут от вас великих свершений, и многие считают вас своим кумиром. Я знаю, что это, наверное, не мое дело, но... Не передумаете ли вы?

Даже услышав такие вещи от юного младшего, появившегося из ниоткуда, это было достаточным доказательством великой личности Оливии, что она даже не вздрогнула от этого.

Оливия продолжала смотреть на меня.

Её глаза были по-прежнему нежными, но в них было немного упрямства.

- Если я передумаю... Вы имеете в виду, что я должна просто смириться со всем и оставить все как есть?

- Это не то, что я хочу сказать, но вам не стоит действовать так поспешно, пока вы не достигнете положения, в котором вы действительно сможете что-то изменить. Если вы решите действовать сейчас, ваша безопасность тоже окажется под угрозой...

- Вы говорите то же самое, что и принц.

Мои слова, казалось, ничем не отличались от слов Бертуса.

Достичь положения, достаточно влиятельного, чтобы вызвать перемены, а затем заставить их произойти. То, что ты делаешь сейчас, подвергает риску только тебя самого, и ты не сможешь ничего изменить. Ты вызовешь кратковременный переполох, но в итоге ничего не добьешься.

Говоря иначе, это было довольно высокомерное замечание. Сказав ей, что все, что ей нужно сделать, - это получить назначение, и она сможет устранить любые нелепости в организации. Однако я не мог придумать, чем еще убедить Оливию.

- Вас зовут Райнхард, верно?

- ... Да.

Оливия спокойно посмотрела на меня.

- Справедливость не знает компромиссов.

Теперь я понимал, почему Бертус назвал её идиоткой.

Кем бы могла быть писательница, сочиняющая такие пошлые вещи, если не чертовой

идiotкой?

Конечно, её образ мыслей сам по себе был достоин восхищения, но это не меняло того факта, что она была идиоткой.

- Пойдя на один компромисс, я в итоге иду на другой. Хотя я признаю и понимаю, что в реальности это невозможно, если масштабы этих компромиссов будут становиться все шире и шире, то в конце концов мне придется отказаться от многих вещей, и я начну походить только на тех, кого я хочу изменить.

Когда все становится трудным, и я просто продолжаю терпеть, я становлюсь похожим на тех, кого я так отчаянно хотела изменить - и все это во имя реализма.

- Старшая, если вы называете трусами тех, кто продолжает идти на компромисс, то те, кто не может пойти на компромисс, в итоге совершают ужасные поступки.

Те, кто был чрезмерно уверен в себе, в итоге становились самыми боязливymi людьми в мире, независимо от того, были ли их первоначальные намерения хорошими или плохими. Сколько вреда такие люди приносили обществу?

Оливия Ланце казалась одним из таких уверенных в себе людей.

Не случится ли еще более страшных вещей, если кто-то вроде нее тихо станет Папой или командующим рыцарей-тамплиеров? Возможно, она даже проведет широкомасштабную чистку.

В моем сознании возник совершенно другой вопрос.

Если бы это случилось, что бы я сделал?

- Вы говорите так, будто уже встречались с подобными людьми.

Я знал о многих подобных случаях. Просто они не были частью этого мира.

- Райнхард, мне кажется, я знаю, что вы хотите сказать. Вы думаете, что я крайний фундаменталист - тот, кто не может терпеть даже малейшей несправедливости и считает, что все священники должны быть частью одной-единственной истинной религии.

Она не сказала мне, что я слишком мал, чтобы понять, что она пытается сделать.

Она пыталась говорить со мной правильно.

- Райнхард, хотя справедливость не знает компромиссов, это единственный компромисс, на который я была готова пойти.

Оливия поняла, что я пытался сказать.

Она сказала, что её нынешнее поведение уже было компромиссом.

- Если бы я терпела это, чтобы спасти гнилое дерево от его корней, я бы в итоге стала одной из двух вещей. Либо, признав реальность и продолжая идти на компромисс, я стану такой же, как люди, которых я хочу изменить. Либо я могу в итоге пожертвовать многими людьми во имя того, чтобы изменить все правильным образом.

Оливия была идиоткой, но она не была глупой.

Она хотела показать мне, что уже глубоко задумалась над этим, поскольку это была её собственная проблема.

Она знала, что перед ней лежат только два пути: путь падшего священника или путь истребительницы, покрытой кровью миллионов во имя Реформации.

- Я не хочу стать ни тем, ни другим.

Она лишь хотела избежать обеих этих неизбежных судеб, с которыми ей придется столкнуться, если она будет продолжать в том же духе. Это было не просто решение, принятое на основании разочарования в вере или разочарования в рыцарях-тамплиерах - она все обдумала гораздо тщательнее.

Она приняла решение, думая о том, что может превратиться в чудовище. Это была проблема - поддаться разврату, но это также была проблема - не поддаться ему.

Это решение было необходимым для нее самой и для многих других.

В конце концов, Оливия пошла на компромисс, от которого не отказалась бы.

Она отказалась бы от всего.

Бертус и я говорили ей, что она должна пойти на компромисс и пока держаться, но никто из нас не знал её достаточно хорошо. Мы не знали, что если она будет терпеть, то с ней произойдут только ужасные вещи.

- ... Простите, что я говорю не по делу. Я... я думаю, что произошло недоразумение.

Я мог сказать только это.

Я перегнул палку.

Я мог судить о чьих-то мыслях и мнениях только на основании своих ограниченных знаний о правде, но Оливия Ланце была совершенно другим человеком, чем я себе представлял.

Она уже была готова к собственной смерти. Я знал это, не спрашивая её.

- Нет, Райнхард, спасибо, что вы так беспокоитесь обо мне, хотя мы и не знаем друг друга. Я серьезно.

Она нежно обняла меня, как будто действительно была благодарна.

Чувствовалось, что она многое потеряла.

- Будь счастлив.

Это прозвучало как последнее прощание.

Оливия не была человеком, которого можно убедить, просто сказав ей, что её жизнь будет в опасности.

В каком-то смысле, я не мог отрицать, что её выбор был лучшим, что она могла сделать для себя.

Примет ли Бертус меры, или это будет другая сторона?

Результаты я увижу в выходные.

После утренней тренировки мы с Адрианой вели себя как обычно. Я узнал правду, но все еще думал о том, стоит ли мне говорить Адриане или нет.

Если бы она узнала, почему Оливия приняла такое решение, это стало бы сокрушительным ударом по вере Адрианы. Она будет серьезно шокирована, если я просто прямо скажу ей об этом. Я не знал, имею ли я право говорить ей такие вещи, поэтому у меня не было другого выбора, кроме как молчать.

И Адриана, и я были в очень низком напряжении. Адриана была подавлена по своим собственным причинам, а я чувствовал себя виноватым за то, что знал правду, но не знал, должен ли я сказать ей или нет.

Затем мы увидели кое-что, когда возвращались с тренировки.

- А... Старшая...

- А... Адриана. Райнхард...

Это была Оливия Ланце, которая только что вышла из общежития Темпла, а рядом с ней стоял мужчина.

Она тащила за собой большой сундук, как будто собиралась идти куда-то далеко.

- Это ваш знакомый?

- Да... Отец.

Отец.

При этих словах личность мужчины сразу же раскрылась.

Командор рыцарей-тамплиеров, Риверриер Ланце.

Он посмотрел на нас двоих и коротко произнес.

- Усердно учитесь.

Адриана не могла ничего сказать, столкнувшись с командиром рыцарей-тамплиеров, кроме того, Оливия Ланце уходила прямо перед ней.

Однако я ясно видел, что глаза Оливии были красными, а щеки немного припухшими.

Она уходила не по своей воле.

Она сказала, что уйдет добровольно, но это больше походило на то, что её утащили, чем на добровольный уход.

- Прощайте, вы оба.

Они были похожи скорее на пленницу и её тюремщика, чем на отца и дочь.

Адриана гналась за спиной этой девушки, которая становилась все дальше и дальше.

- Старшая... Ты уходишь... ?

- ... Думаю, да.

- Старшая, если я не ошибаюсь... Кажется, ты плакала, не так ли?

- Да.

Оливия сказала, что бросит Темпл, но почему-то её так тянуло уйти.

Бертус знал, что ему не придется предпринимать никаких действий. Конечно, Риверриер Ланце должен был знать, в каком состоянии находится Оливия, и, очевидно, предугадал бы, что она хочет сделать.

В каком-то смысле, появление Командора Рыцарей Тамплиеров было неизбежным результатом.

Если бы рыцари-тамплиеры ворвались в Темпл и попытались забрать Оливию Ланце, Темпл имел бы право отказаться.

Однако они не могли помешать её отцу забрать своего ребенка.

Держать Оливию Ланце, о которой он не знал, что она может в итоге сказать, в Темпле, должно быть, было весьма тревожно для командующего рыцарей-тамплиеров.

Поэтому он решил увезти её раньше, чем она планировала.

Хотя я наблюдал это лишь краткий миг, принудительные, вертикальные отношения между ними были хорошо видны.

В конце концов, даже если это было не то время, когда она хотела уйти, разве она не получила то, что хотела? Но её выражение лица выглядело таким несчастным, пока её тащили прочь.

- Что... Что происходит, Младший.

Мы с Адрианой не вернулись в общежитие и сели на скамейку, уставившись в пустоту.

- Вообще-то, я вчера разговаривал с Оливией.

- Правда?

В тот момент казалось невозможным продолжать скрывать это от Адрианы.

Мне не полагалось знать подробности инцидента, поэтому у меня не было выбора, кроме как объяснить ей все довольно туманно. Оливия узнала об уродливой стороне рыцарей-тамплиеров, поэтому она пришла к выводу, что вступление в рыцари-тамплиеры или в Церковь чревато ужасными последствиями для нее и многих других.

Адриана была ошеломлена моим объяснением, почему она решила отказаться от всего. Была ли она шокирована тем, что Оливия рассказала мне все, но не ей, или тем, что у рыцарей-тамплиеров, в которые она планировала вступить сама, была уродливая сторона?

- ... Понятно.

Адриана даже представить себе не могла, через что пришлось пройти Оливии, чтобы прийти к такому решению. Я полагал, что она узнала о демонах-рабах, но они могли совершить много других злодеяний, о которых я не знал.

- Я так запуталась... Я больше не знаю, что делать...

Казалось очевидным, что рыцари-тамплиеры забрали Оливию, чтобы скрыть свой грязный секрет. Адриана потеряла фокус в глазах, возможно, потому, что ценности, составлявшие её основу, пошатнулись.

Как бы то ни было, вывод напрашивался сам собой: Оливия больше никогда не вернется в Темпл. Риверриер Ланце заставил собственную дочь уйти, таща её за запястье.

Дочь.

Нет, подождите минутку.

Оливия Ланце служила Товану, Богу Чистоты.

- ... Какому Богу служит Командор рыцарей-тамплиеров?

- А? А... Насколько я знаю, он служит Товану.

- Разве жрецы Тована могут жениться? Как у него может быть дочь... ?

Должно быть, она унаследовала веру в Тована от своих родителей, но как у командора рыцарей-тамплиеров, который следовал учению Тована, могла быть дочь?

- Старшая - это... его приемная дочь.

Оливия Ланце была удочерена.

Все части встали на свои места.

У нее были сильные божественные способности, не потому что она была дочерью командира рыцарей-тамплиеров.

Она была удочерена им, потому что у нее был такой сильный талант. Её отец намеревался воспитать следующего командующего рыцарей-тамплиеров или Папу.

Девушка, которую он растил для этой цели, вдруг решила отказаться от всего и даже попыталась навредить рыцарям-тамплиерам и церкви.

Разве Командор не рассердился бы в такой ситуации?

- Младший, никому не говори о том, что ты мне сейчас рассказал.

Адриана пробормотала в пустоту, как будто пришла к какому-то выводу.

- Независимо от того, правда это или нет, тебя могут арестовать инквизиторы-еретики за клевету на рыцарей-тамплиеров. Даже не говори своим сеньорам.

- ... Хорошо.

Мы не были знаменитостями уровня Оливии Ланце, поэтому мы не были в том положении, чтобы просто открывать рот, как нам вздумается.

Адриана вскочила со своего места.

Она выглядела полной решимости.

- Пока что мне придется следовать за ней.

- ... Ситуация не изменится, даже если мы пойдем и посмотрим, что происходит.

Я решил последовать за ней, потому что чувствовал себя неловко, не зная, как обстоят дела.

- Если нас поймают, мы просто скажем, что пошли за нашей любимой старшеклассницей, потому что не хотим, чтобы она уходила, хорошо?

- Понятно.

Даже если они поймают нас за слежкой, мы можем просто вести себя как упрямые дети. К тому же, если он действительно хотел прикоснуться к нам, он должен был быть готов к столкновению с Храмом.

Командующий мог забрать свою дочь, но он не мог забрать нас.

<http://tl.rulate.ru/book/60012/2373937>